

ВСЕВОЛОД БЕНИГСЕН

Закон Шруделя

*Эту книгу
рекомендуют
вам 100
читателей*

О тех чудесных временах,
когда все было не так хорошо,
как сейчас...

Всеволод Бенигсен Закон Шруделя (сборник)

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6994231
Всеволод Бенигсен. Закон Шруделя: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-70750-8*

Аннотация

Света, любимая девушка, укатила в Сочи, а у них на журфаке еще не окончилась сессия.

Гриша брел по Москве, направился было в Иностранную библиотеку, но передумал и перешел дорогу к «Иллюзиону». В кинотеатре было непривычно пусто, разомлевшая от жары кассирша продала билет и указала на какую-то дверь. Он шагнул в темный коридор, долго блуждал по подземным лабиринтам, пока не попал в ярко освещенное многолюдное фойе. И вдруг он заметил: что-то здесь не то, и люди несколько не те... Какая-то невидимая машина времени перенесла его... в 75-й год.

Все три повести, входящие в эту книгу, объединяет одно: они о времени и человеке в нем, о свободе и несвободе. Разговор на «вечные» темы автор облакает в гротесковую, а часто и в пародийную форму, а ирония и смешные эпизоды соседствуют порой с «черным», в английском духе, юмором.

Содержание

Закон Шруделя	4
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Всеволод Бенигсен

Закон Шруделя

Серым семидесятым посвящается

Закон Шруделя

– Если у Замятина в его романе «Мы» политическая цель противоборствующей стороны ясна и объяснима – задавить личность и превратить всех в стадо, то в «Процессе» Кафки никакой ясности нет. Мир абсурда выдвигает разумные аргументы, логически доказывая правоту своего безумия. Волей-неволей засомневаешься, кто тут безумен. Вспомните, что даже кэрролловская Алиса не фыркает от возмущения, когда чеширский кот говорит ей, что все, включая ее, «не в своем уме». Она только вежливо спрашивает о причинах такой уверенности. «Иначе бы ты здесь не оказалась», – отвечает кот. Его довод кажется ей «не очень убедительным», но не более. А между тем примерно в то же время, когда был написан пугающий своей безысходностью «Процесс», соотечественник Кафки, родившийся, кстати, с ним в один год, Ярослав Гашек, предложил совершенно иную формулу разрешения этого конфликта. Он не хуже Кафки или Замятина чувствовал наступление эпохи тотального абсурда, однако намеренно поместил в самый центр свихнувшейся от войн и бюрократии Европы человека, который не только выжил в этой физической и психической мясорубке, но и прекрасно себя в ней чувствовал. Бравый солдат Швейк продемонстрировал новую модель поведения в условиях абсурда – полное принятие законов новой реальности и подыгрывание им по мере сил.

«Все остальные, в том числе и трое умирающих чахоточных, были признаны годными для фронта», – пишет с иронией Гашек, и нам остается только удивиться безумной логике военачальников, которые посылают на смерть умирающих. Не правда ли, напоминает реплику Собакевича, который о мертвых крестьянах, говорит, возможно, они «попримрут» в дороге? Но Швейка это совершенно не удивило бы. По крайней мере, когда его ведут на расстрел, один из конвойных, желая понять, за что же Швейку такая участь, говорит: «Ни за что ни про что человека не вешают. Должна быть какая-то причина». На что Швейк рассудительно отвечает: «В мирное время, может, оно и так, а во время войны один человек во внимание не принимается. Он должен пасть на поле брани или быть повешен дома!» По сути, его ответ не менее абсурден, чем вышеупомянутый приказ об отправке на фронт умирающих. Но абсурд нивелирует абсурд, и Швейк выходит невредимым из всех коллизий. Это то же самое, как если бы Йозеф К. из «Процесса», узнав, что «попал под арест», пришел бы в канцелярию суда с идиотской счастливой улыбкой на лице и заявил, что хочет сдать властям добровольно. Он готов подписать любое обвинение и просит расстрелять или даже зарезать его немедленно, «как собаку». Вполне возможно, что столь непредсказуемая и абсурдная реакция стала бы его спасением. Абсурд теряется перед лицом абсурда. Именно это и происходит со Швейком – его безоговорочное принятие на веру всех нелепейших пропагандистских лозунгов обескураживает и раздражает тех, кто этим абсурдом заправляет. Покорность Швейка они принимают за издевательство. Им кажется, что перед лицом сурового наказания или смерти он снимет маску и наконец откроет свое истинное лицо. Но когда и это не срабатывает, они просто начинают считать его непроходимым идиотом и оставляют в покое. Теперь они сосуществуют мирно и абсолютно параллельно друг другу: Швейк сам по себе, абсурд сам по себе. Правда, есть одно «но». Герой Гашека далек от рефлексии героев Кафки или Свифта. И действует интуитивно. Но представим себе произведение, где глав-

ным героем был бы интеллигентный человек или, скажем, группа таковых, которые сознательно и простодушно поддакивают миру абсурда, а на деле живут в своем собственном мире, возможно, не менее абсурдном, но живом и человеческом. Так под внешне спокойной поверхностью застоялой воды прекрасно размножаются всякие микроорганизмы. Впрочем, ни в одном произведении подобного жанра герой не решается добровольно остаться в этом мире. Контакт так или иначе прерывается. Миру абсурда не перевербовать героя. Хотя иногда казалось, что это возможно, ведь внешне алогичное имеет свою внутреннюю логику, которая не может не завораживать. Однако двадцатый век продемонстрировал одну страну, где такое фактически осуществилось. Начиная с Зоценко и продолжая Войновичем и Довлатовым, советская литература пыталась отразить эту странную раздвоенность бытия. Даже, а может быть, и в большей степени, это касается, как ни странно, периода застоя, тех самых семидесятых...

На этих словах лектор, сухопарый и седовласый мужчина лет пятидесяти, заметил оживление аудитории, вскинул правую руку и глянул на часы.

– Уууу, – театрално поморщился он, – кажется, я увлекся. Прошу прощения. Вторую часть мы отложим до следующего воскресенья. Всех жду ровно через неделю на последней лекции семинара. Спасибо.

Тут же захлопали крышки парт, и немногочисленные слушатели повалили к выходу. Профессор начал собирать разложенные на кафедре книги и листки. Когда он все упаковал в небольшой кожаный портфель и начал борьбу с непослушным заедающим замком, к нему подошел один из студентов – парень лет двадцати, Гриша Гранкер.

– Здрасьте, Михаландреич.

– А-а, – радостно откликнулся профессор, отрываясь от портфеля, – Гранкер! Очень хорошо, что подошли. Я как раз хотел по поводу вашей курсовой поговорить. Прочитал ваш черновой вариант.

Студент хотел возразить, что это был вообще-то чистовой вариант, но промолчал.

– Кое-что довольно любопытно, тем более что тема семидесятых мне чрезвычайно близка. Но в основном это, простите за нефилологический термин, ерунда. То есть очень поверхностно.

– Что именно? – растерянно спросил студент.

– Вот у вас через каждое слово то «серость», то «застой», то «застой», то «серость»... А что такое серый цвет, как не смесь черного и белого, а? Причем, заметьте, черное и белое – ярко выраженные цвета. Стало быть, и однозначные. А не является ли однозначность в таком случае подлинной серостью в переносном смысле? И не может ли так оказаться, что относительное благополучие и свобода нашего времени не менее, а то и более серо, чем тот пресловутый застой, в котором мы жили в 70-е и 80-е?

– Но...

– Да я понимаю, – рассмеялся профессор. – Это звучит как казуистика, но суть в том, мой юный друг, что это было пре-крас-но-е время. Сложное, странное, неоднородное, и потому прекрасное. Ну, конечно, шестидесятые кажутся интереснее! Но ведь они и попроще. Дали свободу, свободу взяли. Сколько дали, столько и взяли. Хотели взять больше – получили по рукам. А тут... А, может, вам кажется, что я просто романтизирую свою молодость?

Гранкер хотел сказать, что ему ничего не кажется, но профессор уже понесся дальше:

– Нет, это не так! Да, я был молод, но я получал зарплату, занимаясь своим прямым делом – преподаванием. А не бегал с высунутым языком в поисках бесконечных подработок. А какие нам устраивали поездки! Да я за счет государства весь Союз объездил! А тяга к искусству? Да, моду задали шестидесятые, но она сохранялась и в семидесятые. Вы можете возразить, что это мода, а мода поверхностна и преходяща. А я скажу, да, пускай мода! Но дайте мне сейчас хотя бы такую моду! Чтобы пару «родных» джинсов можно было обменять

на два билета в театр на Таганке. А билеты в свою очередь можно было бы обменять на фирменную пластинку «Битлз». А пластинку «Битлз» на очки «кошачий глаз». А очки на фестивальнй фильм в «Иллюзионе». А фильм в «Иллюзионе» на роман «По ком звонит колокол» Хемингуэя. Ха-ха! Вот он, культурный обмен семидесятых! Разве такое сейчас увидишь? Все обожрались и поглупели. А вы вот так, одним махом, раз, и все – застой-отстой. Да мы, если хотите знать, жили! По-настоящему. А не существовали, как большинство людей сейчас. Подумайте, почитайте, пошевелите мозгами. Вы же неглупый молодой человек! Через неделю придете, надеюсь?

Обескураженный горячей отповедью преподавателя Гриша кивнул.

– Ну и славно, – сказал профессор и, подхватив портфель под мышку, пошел на выход. Гриша поплелся следом.

Семинар разбил день, и теперь студент журфака МГУ Гриша Гранкер находился в каком-то подвешенном состоянии: дома делать было нечего, а его девушка Галя, которую все звали по-шестидесятнически Галка, умотала на каникулы в Сочи. Были еще друзья-приятели, но один из них лето традиционно проводил на даче, валяясь на диване перед телевизором, другой пахал на семи работах и был вечно занят, третий урывал для встречи в каком-нибудь кафе жалкие полчаса, а потом куда-то улетал, оставляя Гришу наедине с непоплатенным счетом, четвертый находился в вечной депрессии от жизни, болезней, ссоры со своей девушкой (нужное подчеркнуть), пятый... и так далее. А Грише, как назло, хотелось с кем-нибудь пообщаться.

«Может, в «Иностранку» махнуть?» – подумал Гриша. Во-первых, он давно собирался прочесть какую-нибудь классику на немецком языке, который со школьных времен прекрасно помнил и постоянно практиковал, а во-вторых, там часто сидел занятный старик лет семидесяти пяти, который, несмотря на возраст, был резв на язык и с удовольствием травил байки из своей бурной биографии. Узнав, что Гриша учится на журфаке, новый знакомый и вовсе к нему прикипел, поскольку сам некогда занимался журналистикой. Самое смешное, что Гриша так и не удосужился спросить имя старика – они просто здоровались и сразу начинали болтать. «Эх, жаль, что у нас столько лет разницы, – думал иногда Гранкер, – будь он помоложе, такому бы приятелю цены не было». Старик поведал, что именно здесь, в библиотеке иностранной литературы, он когда-то встретил свою большую любовь, и, возможно, поэтому ему так нравится сюда приходить. Что стало с той большой любовью, Гриша не спрашивал, но из случайно оброненных фраз понял, что в свое время она умотала в Америку, выйдя замуж за своего бывшего мужа со смешной фамилией Доберман, с которым ради отъезда снова сошлась. Жизни в СССР она предпочла эмиграцию. А старик (тогда, конечно, еще далеко не старик) с горя запил. Карьерные амбиции ушли на второй план, жизнь понеслась под откос. Будь с ним рядом женщина или просто друг, они бы, возможно, сумели уберечь его от пьянства. Но никого в тот момент рядом не оказалось.

Эту тему Гриша старался лишний раз не затрагивать. Ему просто нравилось болтать с новым знакомым, и потому поход в «Иностранку» в этот летний день показался ему из всех вариантов наиболее стоящим.

По дороге он снова погрузился в грустные размышления о Галке, которая умотала на море в сомнительной компании однокурсников. Сомнительной эта компания была потому, что Галка училась в хореографическом училище, а Гриша не встречал более развратного народа, чем танцовщики. Понятие верности было для них чем-то безнадежно устаревшим, чем-то из разряда «любви до гроба», то есть где-то вроде есть, но при чем тут мы? А секс воспринимался ими как нечто, не имеющее никакого отношения к любви. Что же до Гриши, то он Галку любил. Ну, или думал, что любил – в молодости желаемое сливается с действительным. И чем чаще слышал от нее фразу «Не надо меня ревновать», тем больше подозре-

вал, что основания для ревности есть. И тем больше ему хотелось пойти и спалить хореографическое училище к чертовой бабушке, со всеми их станками, репетиционными и что там у них еще. И даже сейчас, несмотря на отчаянное сопротивление невыспавшегося мозга, эта мысль буравила Гришино сознание, не давая думать ни о чем ином. Тем не менее он силой заставил себя переключиться на другие темы – например, на впечатления о просмотренном вчера фильме. Правда, тут же наткнулся на непредвиденную беду – он ни-че-го не мог вспомнить. Фильм был связный, понятный, но при этом не оставлял никакого следа ни в голове, ни в сердце. Тогда Гриша начал думать о грядущем дне рождения Галки, но понял, что и эта тема не способна его увлечь. На ее прошлогодний день рождения он попытался пообщаться с ее друзьями, но оказалось, что, несмотря на свое прямое отношение к миру искусства, само искусство их не шибко интересовало. Они с упоением, свойственным обычной молодежи, говорили о каких-то голливудских звездах, модных журналах и анимэшных мультфильмах. При этом с трех нот могли угадать любой балет, пить вино, стоя на одной ноге и задрав другую так, чтоб можно было прижаться лицом к ступне, а на следующий день пахать восемь часов у станка. Поразительное сочетание узкопрофильности мышления и изнурительного физического труда. «Надо же, – подумал тогда Гриша, – такая убогость внутри многообразного мира искусства».

Размышляя о дьявольской природе развратного балетного сообщества, он не заметил, как где-то в небесном компьютере произошел сбой и случилось то, чему, собственно, и посвящен наш рассказ.

Еще недавно Земля была круглой, дважды два равнялось четырем, законы физики казались непреложными, а поступательное движение истории естественным. Все переменялось в то злополучное утро по-московски жаркого летнего дня, когда Гриша Гранкер, студент третьего курса журфака МГУ, вышел из метро «Китай-город» и направился в библиотеку иностранной литературы, что недалеко от Котельнической набережной. Время близилось к полудню. Раскаленный воздух дрожал под лучами нещадно палившего солнца, и все вокруг ходило ходуном, словно плавилось на целлулоиде застрявшей в кинопроекторе пленки. И предметы, и люди, осоловев от духоты, плавали в этой кисельной массе в немом ожидании хоть какого-нибудь ветерка. В такие дни все в природе становится неестественно живописным: синее небо с белыми облачками напоминает плоский театральный задник, пыльные деревья с замершими от безветрия листьями кажутся пластиковыми декорациями, а солнце заливают все таким ядовитым ярко-желтым светом, словно Господь Бог решил взять пару уроков живописи у Ван Гога, который, конечно же, первым делом заказал цистерну неаполитанской желтой. В такие дни люди на улицах стараются не злоупотреблять опорно-двигательным аппаратом, говорят редко и негромко. Даже мыслительный процесс становится занятием мучительно трудоемким (впрочем, таковым он является для многих в любую погоду).

В 11.50 на Гришин мобильный пришло сообщение от приятеля, который просил одолжить ему тысячу-другую рублей. В ответном сообщении Гриша решил не растекаться мыслью по древу и просто написал «Увы». Денег у него действительно было немного – что-то подкидывали родители, что-то зарабатывал сам, кропя всякую ерунду для небольшого интернет-портала. Но всего этого было, к сожалению, недостаточно, чтобы отправиться вместе с Галкой на чертово море. Иначе на кой хрен ему было торчать в пыльной Москве? С другой стороны, на кой хрен он сдался Галке, которая наверняка мечтала вырваться из-под его ревнивой опеки.

Уже на подходе к цели своего путешествия Гриша кинул взгляд на кинотеатр «Иллюзион», что в высотном здании неподалеку от библиотеки, и решил посмотреть, что там сегодня идет.

«Старик никуда не денется, он в читалке часами торчит, а сейчас всего полдень», – подумал он, подчинившись спонтанному желанию.

У входа в «Иллюзион» было пусто. Двери закрывала зеленая строительная сетка. Напротив на асфальте стояли ведра с краской и кистями. Рядом – обломки каменных плиток.

«Ремонт, наверное», – подумал Гриша. Правда, работяг нигде не было видно, но, возможно, у них был обеденный перерыв.

Он направился к соседнему входу с надписью «Кассы». Потянул массивную дверь и вошел. Внутри было пусто и прохладно. В окошке, зевая от скуки, сидела немолодая кассирша.

На Гришин вопрос о расписании она вздрогнула и нечеловеческим усилием воли подавила очередной зевок.

– Молодой человек, там же все написано.

Гриша поднял глаза на расписание: 12.20 – «Великая иллюзия» (1937, реж. Ж. Ренуар, в гл. рол. Ж. Габен).

– Старый фильм, что ли? – спросил он, понимая идиотизм вопроса.

Кассирша промолчала.

– Ну, дайте тогда один билет.

Гриша протянул сотенную купюру. В ответ получил серую бумажку с фиолетовым штампом.

Он уже было направился к выходу, как кассирша его окликнула:

– Молодой человек, вы там не пройдете, главный вход на ремонте.

– А куда ж идти? – растерялся Гриша.

– Я вам открою дверь, пройдете через нас.

Она щелкнула ключом и распахнула деревянную дверь рядом с окошком.

– Вы что ж, всех так пускаете?

– Да не больно-то много рвется в выходной день с утра, – пробурчала та.

Оказавшись в полумраке узкого пространства, Гриша стал вертеть головой.

– А дальше куда?

– Вон туда. Спуститесь вниз и выйдете прямо в фойе.

Кассирша легонько подтолкнула его в какой-то проход и закрыла за ним дверь.

Вокруг Гриши тут же сгустилась темнота. Он сделал несколько неуверенных шаркающих шагов вперед и тут же уперся в стену. Стал водить ней руками – пальцы нащупали что-то похожее на металлическую дверную ручку. Чертыхаясь, надавил на ручку и шагнул снова куда-то в темноту. Но едва не полетел кувырком – под ногами оказались ступеньки. Первым желанием было вернуться к кассирше и потребовать, чтобы она его проводила до конца, но потом решил, что не лабиринт же здесь – куда-нибудь да выйдет. Спустившись почти на ощупь по ступенькам, он очутился в каком-то длинном коридоре, слабо подсвеченном одинокой лампочкой.

«Мать твою», – выругался Гриша, переступая через какие-то металлические коробки и макулатурные подшивки. Отовсюду веяло подвальной сыростью. Где он и куда идти, было совершенно непонятно.

«Прошу считать меня коммунистом», – прошептал он сам себе и, достав мобильный, стал подсвечивать дорогу «горящим» дисплеем. Никакой «ясности» свет мобильного в обстановку не привнес, но по крайней мере можно было идти, не боясь свернуть себе шею. Гриша посмотрел на время. До начала сеанса оставалось еще десять минут. Самое интересное, что телефонный сигнал сюда уже не доходил – «палочки», отвечающие за качество связи, исчезли с дисплея.

«Если окончательно заблужусь, даже позвонить не смогу», – подумал Гриша, проклиная свое спонтанное синефильство.

Наконец, впереди замаячила очередная дверь. Чувствуя растущую нервозность, Гриша решительно распахнул ее и снова оказался в каком-то коридоре. При этом больно стукнулся головой о притолоку, но уже было не до боли.

«Все, писец. Еще полчаса такого блуждания, и я выйду через канализационный люк где-нибудь в районе Кремля. Самое интересное, что если я даже захочу вернуться, то дорогу назад уже не найду».

Минут через пять неуверенного передвижения в темноте полубоком в стиле «краб» он уткнулся в какую-то небольшую дверь.

«Если за ней снова коридор, начну кричать и плакать».

Он мысленно перекрестился и открыл дверь. В глаза ударил яркий свет – Гриша стоял в предбаннике перед входом в фойе, по другую сторону от главного входа.

«Ну, слава богу», – подумал он с облегчением, шурясь от внезапного «прозрения». Первое, что его удивило – это то, что никаким ремонтом тут и не пахло. Все было чисто и прибрано. Но самое интересное, что по фойе ходили перешептывающиеся зрители. Откуда они взялись, если еще десять минут назад на улице не было ни души?

– Билетики, пожалуйста, – сказала стоящая в дверях администратор.

Все еще шурясь от света, Гриша протянул серую шершавую бумажку. Только сейчас он понял, что все это время держал ее в липкой от пота руке.

Администраторша равнодушно надорвала билет.

«Фигня какая-то, – думал Гриша, проходя к буфету, где толпилась куча народу. – Соврала кассирша... Прямо лом какой-то».

Было в этой толпе еще что-то, что смущало, но что именно, Гриша никак не мог понять.

– Что, хороший фильм? – спросил он у высокого бородача с забавными баками и в вельветовом пиджаке, занимая за тем очередь в буфет.

Бородач подозрительно оглядел Гришу с ног до головы.

– Откуда ж я знаю? Раз не наш, ясно, что не фуфло.

Гриша, который за всю свою короткую жизнь посмотрел довольно много «не нашего» фуфла, слегка удивился столь категорично позитивной оценке всякого заграничного творчества, но промолчал. Бросил взгляд на выставленную в буфете снедь и слегка растерялся – небогатый выбор малоаппетитных пирожных, пара сортов бутербродов, никаких кока-кол и энергетических напитков. Зато в большом допотопном стеклянном конусе, установленном на прилавке, плескался яблочный сок с мякотью, который Гриша любил еще с детства.

Он пошарил в заднем кармане джинсов и посмотрел на ценники. И тут неприятный холодок впервые пробежал по его спине. Цены были указаны в копейках.

«Наверное, перепутали что-то», – попытался он себя успокоить, но почему-то еще больше разволновался.

В этот момент зазвенел звонок, и все устремились в кинозал. Гриша понял, что перекусить ему уже все равно не успеть. Чертыхнулся и пошел за всеми.

Войдя в прохладное помещение зала, замер в недоумении: внутри яблоку негде было упасть. Некоторые молодые люди (явно студенты) сидели даже на ступеньках, некоторые стояли у стен.

Гриша взглянул на билет, понял, что его место у самой стены, и начал туда пробираться, неуклюже корябая животом спинки переднего ряда и стараясь не задевать сидящих сзади.

Через пару минут в зале наступила благоговеющая тишина, нарушавшаяся покашливаниями и шепотом. Затем под внезапные аплодисменты на сцену пружинистой походкой поднялся, а точнее, взлетел, невысокий чернявый мужчина в кожаном пиджаке. Подошел к микрофонной стойке и кашлянул.

«Это еще кто?» – с тревогой подумал Гриша и осторожно покосился на соседей, но тех появление человека на сцене почему-то не удивило.

– Сегодня, – бойко начал мужчина, хитро поглядывая в зал, – вам предстоит посмотреть удивительную картину Антониони «Профессия: репортер».

– Блин, – тихо чертыхнулся Гриша, – фильм поменяли. Ну хоть бы предупреждали!

– Удивительна она хотя бы тем, – продолжил человек на сцене, – что вам предстоит ее посмотреть.

В зале засмеялись.

– ...посмотреть почти в то же время, – продолжил мысль ведущий, хитро улыбнувшись, – что и зрителям за рубежом. Что уже, – тут он издал саркастическое «кхе-кхе», – неплохо. Картина пока не куплена нашим прокатом, но, будем надеяться, это вопрос времени. Антониони в особом представлении советскому зрителю не нуждается...

Словосочетание «советский зритель» резануло Гришин слух, и он снова глянул на соседей, но все проглотили эту фразу выступающего, не дрогнув ни единым мускулом на лице.

– Оговорился, – стал успокаивать себя Гриша.

Тем временем мужчина на сцене от общих слов перешел к состоянию современного итальянского кинематографа, рассказал о творчестве Антониони, метнулся к истории европейского кино и, вернувшись, собственно, к фильму, пожелал зрителям приятного просмотра. Все бурно зааплодировали, а он положил набок микрофонную стойку, спустился со сцены и все той же пружинистой походкой направился к дверям. Пару раз он притормаживал, чтобы ответить на вопросы зрителей, один раз засмеялся, схватившись за голову, один раз отрицательно покачал головой и наконец, добравшись до двери, выбежал в фойе.

В зале воцарилась почти гробовая тишина, и свет начал медленно гаснуть.

Картина была неторопливая, но зал смотрел на экран, затаив дыхание. Особенно Гришу поразил голос переводчика, который явно сидел где-то здесь и переводил фильм синхронно. Самым же странным было то, что Николсон, игравший человека, который берет чужой паспорт и начинает чужую жизнь, был вопиюще молод. Каким макаром в «нашем прокате» эта картина еще не появилась, Гриша, сколько ни тужился, понять не мог – старая ж картина, чего ей в прокате делать?

Когда сеанс закончился, все повалили на выход. Только почему-то не обратно в холл, а через высокие деревянные двери с обеих сторон от экрана прямо на улицу. Гриша попытался вернуться в фойе, так как хотел купить какой-нибудь воды в буфете, чтобы смочить пересохшее горло, но его остановила строгая билетерша.

– Товарищ, товарищ! Вы куда? Выход там.

– Но мне бы воды купить.

– Купите на улице.

Гриша чертыхнулся, но спорить не стал и, поправив сумку, побежал догонять последних выходивших.

На улице было все еще жарко, хотя казалось, что уже не так, как до сеанса. Гриша постоял несколько секунд, щурясь на солнце, а затем побрел обратно к Китай-городу. Все попытки задуматься о просмотренном фильме таяли, как мороженое на солнцепеке.

Зато почему-то вернулись мысли о Галке. Гриша попытался представить, чем она там сейчас занимается, но чем больше старался вообразить что-то приличное, тем настойчивее перед глазами вставало что-то неприличное. Погруженный в тревожную задумчивость, он дошел до трамвайных путей, где ему пришла очередная спонтанная идея не идти пешком до Китай-города, а проехать на трамвае до Новокузнецкой.

Удача был положительно на его стороне – дребезжащий трамвай, как по заказу, появился буквально через минуту. Гриша нащупал студенческий на всякий пожарный, дождался, пока откроются двери, и запрыгнул в полупустой трамвай. Первое, на что наткнулся его взгляд, был аппарат с билетиками. Таких он уже давным-давно не встре-

чал. Под стеклянной поверхностью крышки аппарата на широкой резиновой ленте лежали копейки советского образца, а сбоку торчал кусок ленты. Казалось, кроме Гриши, никого не удивляет присутствие этого раритетного чудища. Более того, один из вошедших пассажиров невозмутимо кинул трехкопеечную монету в аппарат и ручкой «выкрутил» себе один из таких билетиков. Вот тут-то по Гришиной спине снова пробежал неприятный холодок. Неожиданно сотни деталей последних часов слились воедино и строем двинулись на его мозг. Мысли о Галке испуганно съезжились и отступили на какой-то далекий второй план. Тишина в кинозале вдруг объяснилась непривычным отсутствием звуков мобильных телефонов. Затем всплыл странный бородач с баками, «оговорка» ведущего про «советского зрителя», а следом давно забытое обращение «товарищ!», произнесенное слишком молодой для подобного атавизма билетершей. Гриша почти физически ощутил шевеление волос на голове.

– Спокойствие, только спокойствие, – сказал он сам себе, сглотнув комок в горле.

Но какое уж тут, к черту, спокойствие?

Метнулся к окнам трамвая и стал жадно разглядывать пробегающий мимо летний пейзаж. Первое, что бросилось в глаза, – это отсутствие какой-либо рекламы. Второе – люди. Они были одеты НЕ ТАК!

– Стоп, – воспротивился практичный разум, – а как они должны быть одеты?

– Не так, и все! – гаркнуло в ответ подсознание, и этот наглый ответ был, увы, убедительнее всех прочих доводов.

Дальше в Гришиной голове начался подлинный сумбур. В спор между голосом разума и голосом интуиции влезли еще какие-то голоса. Один, особенно омерзительно писклявый, видимо, отвечавший за настроение и душевное состояние, начал визжать, что все пропало, жизнь пришла к логическому финалу, надо кончать с этим позором, а именно сигануть в окно, да и дело с концом. Тут все голоса заверещали одновременно, перебивая и споря друг с другом. Они то тыкали, то выкали, то вообще говорили от первого лица.

– Надо спросить у кого-нибудь...

– Что спросить?

– Не знаю... какой год, например?

– Ну и что это даст?

– По крайней мере, буду хоть в чем-то уверен.

– А, может, просто домой поехать?

– А он есть?

– А когда это началось?

– Что?

– Сумасшествие.

– А кто сказал, что это сумасшествие?

– Стоп-стоп! Заткнитесь все! Может, я сплю?

– Ага. Ты еще ущипни себя, как в плохих комедиях. Детсад!

– Стоп. А ведь с того времени, как я получил смс от Костика, мне никто не писал и не звонил на мобильный.

– А тебе так часто пишут?

– А когда это было?

– Да все тогда же... Я вышел из метро, потом смс, потом кино...

– Стоп. А потом был долгий проход по катакомбам «Иллюзиона»!

– Точно!

– Что «точно»? Ты вышел не в том времени, что ли?

– Слушай, а может, это просто кино снимают?

– А где камеры?

– Тогда телевизионный розыгрыш.

– Не похоже.

– Бросайся под трамвай! – заверещал голос душевного состояния. – Если это сон, то ты проснешься!

– Я не могу броситься под трамвай, потому что я в нем еду.

– Значит, выйди и бросься!

– Заткнитесь все!!! – закричал голос разума. – А если это не сон?!

В эту секунду трамвай заскрежетал дисками колес и остановился напротив «Новокузнецкой». Гриша пулей вылетел в распахнутые двери и понесся к метро, стараясь не поднимать глаза на окружающую действительность, словно она была заразной. Мимо телефонных будок с дисковыми телефонами, мимо аппаратов с газированной водой, мимо пивного ларька с надписью «Пива нет», накорябанной на куске картона... Мимо... мимо... Но, влетев в прохладу вестибюля метро, он понял, что худшие опасения подтвердились – со стен трофейными головами убитых динозавров на него смотрели допотопные разменные аппараты с отверстиями для 15– и 20-копеечных монет, а из их чрева вываливались тяжелые пятаки, которые пассажиры кидали в узкую щель мигающих то белым, то красным глазком турникетов. В общем, мимо шли не так одетые люди и кидали неправильные деньги в неправильные аппараты. И вокруг бурлила не-пра-виль-ная жизнь.

Гриша зажмурился и закрыл ладонями уши.

– Спокойно, – сказал он себе, сжав зубы. – Тут два варианта – либо махнуть домой до Белорусской, либо... либо вернуться назад к «Иллюзиону».

– Товарищ! Э-эй, молодой человек, вам плохо?

Гриша открыл глаза. На него участливо смотрела невысокая девушка с самодельной джинсовой сумочкой через плечо, на которой бисером было вышито «Sveta».

– Мне? – спросил Гриша и глянул по сторонам. – Да. То есть нет. То есть то, что нехорошо – это точно. Извините, девушка, не знаю вашего имени, видимо (он посмотрел на сумку), Света... а как мне лучше проехать до... эээ... Тверской... то есть Горьковской?

На последнем слове он сделал особенный упор. Вопрос девушку не смутил, и она четко ответила: «Проедете площадь Свердлова и выйдете на следующей».

Гриша тихо застонал и даже покачнулся.

– Да это близко, – испуганно затараторила девушка. – Всего пять-шесть минут.

– Нет, – сказал Гриша, – это дальше, чем вам кажется.

Света пожала плечами и прошла через турникет, бросив в щель увесистый пятак.

Гриша же стоял, замерев, словно был статуей будущего строителя капитализма посреди коммунистического рая. Но вскоре оцепенение спало, и он выбежал на улицу. Там, отойдя в тень ветвистого тополя, достал мобильный. Сигнала, естественно, не было, смс не проходили. Только сейчас Гриша заметил, что на улице не было иномарок – сплошные «волги», «жигули» и «москвичи». Он посидел минуту в раздумье, а затем рванул к трамвайным путям и дальше, в сторону Котельнической набережной. Расстояние, которое он на трамвае проехал за шесть минут, сейчас было покрыто пешком примерно за то же время. Правда, на сей раз минуты показались вечностью. Когда же, обливаясь потом, подбежал к «Иллюзиону», то растерянно замер – на дверях красовалась табличка «Закрето».

Что «закрето»? От кого «закрето»? На сколько «закрето»? Никаких объяснений. Закрето, и все. Гриша начал было стучаться то в главную дверь, то в дверь кассы – нулевой результат. Может, разбить стекло и влезть? Успею убежать по коридору. А если не успею – там же тоже дверь.

– Стоп! – сказал он сам себе. – Кончай изображать алкоголика у закрытого ларька. Еще не хватало, чтоб вызвали милицию. Вот уж будет потеха! Паспорт у тебя российский.

Мобильный телефон в кармане. Деньги непонятные. Сразу ясно – шпион. Ох, черт! Еще и доллар железный в кошельке на память!

Доллар когда-то подарила ему Галка, вернувшись из гастрольной поездки с ансамблем в Америку.

– Так. Главное – взять себя в руки и продумать план действий, – подумал он, глянув исподлобья по сторонам – слава богу, зеваки разошлись. – Так... первым делом надо выяснить, какой год... Потом...

Что делать потом, оставалось за гранью понимания. Можно было бы, конечно, поехать домой, но маловероятно, что на Белорусской время идет иначе, чем здесь. А значит, ему откроют дверь чужие люди, и что?

Все в том же странном оцепенении Гриша побрел к Китай-городу. Смотрел исключительно под ноги. Так, он считал, больше шансов не свихнуться окончательно. Асфальт, он и есть асфальт. Не меняется. По крайней мере, в России. Но, проходя по Солянке, Гриша невольно обратил внимание на окно на первом этаже. Оно было распахнуто настежь, а на подоконнике сидела кошка и увлеченно грызла рыбью голову, заботливо положенную кем-то на газету.

Гриша посмотрел по сторонам – не видит ли кто, а затем подкрался к окну и согнал кошку. Та, пронзительно мяукнув, свалилась внутрь квартиры. Гриша брезгливо смахнул рыбью голову и вытянул газету. На титульной странице, где красовалось название издания – «Московский коммунист», стояла дата. 1952 год. «Значит, Сталин еще не умер», – подумал Гриша, и внутри у него как будто что-то оборвалось и понеслось вниз, как сорвавшийся лифт на дно шахты. Но лифт неожиданно дернулся и замер.

«А при чем тут «Иллюзион»? Вряд ли он существовал в сталинское время. Да и одеты при Сталине были иначе. Да и автомобили были другие».

– Тебе чего? – раздался сверху дребезжащий старушечий голос.

Гриша вздрогнул. Из окна на него смотрела бабулька лет семидесяти.

– Я это... газету взял.

– Зачем? Макулатуру, может, собираешь?

– А? Да, да, макулатуру собираю, – закивал он, как китайский болванчик.

– Так я тебе целую кипу этого добра сейчас дам, погоди. Ты поднимайся к шестой квартире – у меня все уже подвязано, просто сил нет выкинуть.

– Извините, а какое сегодня число?

– 27-е.

– Чего? Июля?

– Ну.

– 52-го года?

– Сам ты 52-го года! 75-го! Тьфу! Шутник нашелся, – разозлилась бабулька и захлопнула ставни.

Только сейчас Гриша заметил, что газета, которую он держал в руках, была уже заметно пожелтевшей.

– Пронесло, – подумал Гриша. – Значит, так. Рассуждаем логически. Если я в 1975-м, то... во-первых, я не родился, и даже родители еще не познакомились. Мама еще живет в Минске, а отец служит в ГДР. Во-вторых... до перестройки еще десять лет. Десять лет! Десять лет советской тюрьмы. В 1985-м мне будет тридцать два, а в 2008-м, значит... пятьдесят пять. Боже мой, а Галке будет... будет... Да какая разница?! Сколько бы ни было Галке, главное, что мне будет пятьдесят пять!

«Может, и вправду под трамвай сигануть, – мелькнула дурацкая мысль, но умирать почему-то все равно не хотелось. Даже если б на дворе был 1937-й, он и то вряд ли бросился бы под трамвай.»